

Глава первая

И зачем только Минди понадобился этот брак по договоренности?

Никки изумленно изучала анкету сестры, прикрепленную к электронному письму. Обычные параметры: имя, возраст, рост, религиозная принадлежность, диета («вегетарианская, изредка — рыба с жареной картошкой»). Желаемые качества в будущем муже: умный, сострадательный и добрый, с твердыми принципами и приятной улыбкой. Допустимы как гладко выбритые, так и носящие тюрбан кандидаты, при условии, что борода и усы ухожены. Идеальный супруг должен иметь стабильную работу и до трех хобби, которые развивают его умственно и физически. «В определенном смысле, — писала Минди, — он должен походить на меня: скромный (то есть ханжа, мысленно перевела Никки), практичный в финансовом отношении (откровенно скупой), нацеленный на создание семьи (хочет немедленно завести детей)». А самое ужасное, что рекламный девиз анкеты звучал как название приправы из супермаркета: «Минди Гревал, микс Востока и Запада».

Соединявший спальню и мини-кухню узкий коридорчик с неровными половицами, которые при малейшем нажатии издавали разной высоты скрипы, не годился для

задумчивого расхаживания. И все же Никки принялась мерить его мелкими шажками, собираясь с мыслями. Чего это сестрице вдруг вздумалось? Конечно, Минди всегда отличалась приверженностью традициям (однажды Никки застала ее за просмотром обучающего ролика, как сделать идеально круглые роти¹), но подавать объявление о поиске жениха? Это вообще ни в какие ворота.

Никки несколько раз набирала номер Минди и все время попадала на голосовую почту. Когда она наконец дозвонилась, солнечный свет растаял в плотной вечерней мгле и ей пора было собираться на работу в «О'Райлис».

— Я знаю, что ты скажешь, — заявила сестра.

— Да неужели, Минди? — воскликнула Никки. — Ты действительно хорошо представляешь, как это обычно происходит?

— Да.

— Значит, ты спятила.

— Таково мое решение. Личное. Хочу найти мужа традиционным способом.

— Зачем?

— Хочу, и всё.

— Зачем?

— Просто хочу.

— Если тебе нужно, чтобы я отредактировала твою анкету, предложи более вескую причину.

— Это несправедливо. Я ведь поддерживала тебя, когда ты съехала.

— Ты назвала меня эгоистичной дурой.

¹ Роти — традиционные индийские тонкие лепешки из пшеничной муки.

— Но потом, когда ты все-таки свалила и мама собиралась ехать и требовать твоего возвращения домой, кто убедил ее оставить тебя в покое? Если бы не я, она никогда не примирилась бы с твоим решением. А теперь родительница угомонилась.

— *Почти* угомонилась, — напомнила сестре Никки. Со временем первоначальный мамин гнев поостыл и выдохся. Она до сих пор была жутко недовольна образом жизни Никки, однако перестала читать ей нотации об опасностях самостоятельной жизни. «Моя мать и в мыслях такого не допустила бы», — твердила она, доказывая свою прогрессивность, и в ее голосе слышалось хвастовство пополам с сожалением. *Микс Востока и Запада*.

— Я тяготею к нашей исконной культуре, — сказала Минди. — Я же вижу, как мои английские подружки знакомятся с мужчинами в Интернете и в ночных клубах, а никого подходящего найти не могут. Почему бы не попробовать брак по договоренности? Ведь у наших родителей это срабатывало.

— Тогда были другие времена, — возразила Никки. — У тебя больше возможностей, чем было у мамы в твоем возрасте.

— Я выучилась на медсестру, нашла работу... Это следующий этап.

— Брак — никакой не этап. Ты просто пытаешься обзавестись мужем.

— Всё будет совсем не так. Просто мне нужна небольшая помощь с поиском, но это же не значит, что мы познакомимся в день свадьбы. В наши дни парам дают время, чтобы будущие супруги получше узнали друг друга.

Никки покорило это «дают». Неужто, чтобы встретиться с женщиной, Минди необходимо чье-то разрешение?

— Не торопись. Попутешествуй немного. Посмотри мир.

— Уже насмотрелась, — фыркнула Минди. Прошлым летом, во время поездки с подружками на Тенерифе, выяснилось, что у нее аллергия на моллюсков. — Между прочим, Кирти тоже ищет подходящего парня. Нам обеим пора остепениться.

— Кирти не заметит подходящего парня, даже если он влетит к ней в окно, — усмехнулась Никки. — Я бы не назвала ее серьезной соискательницей.

Лучшая подруга Минди была визажистом, вернее, специалистом по усовершенствованию лица, как значилось на ее визитке. Они с Никки друг друга недолюбливали. В прошлом году, на праздновании двадцатипятилетия Минди, Кирти, внимательно изучив наряд Никки, изрекла: «Быть красивой — значит прилагать усилия, не так ли?»

— Минди, наверное, тебе просто скучно.

— Разве скука не веская причина, чтобы попытаться найти супруга? Ты переехала, потому что хотела независимости. Я стремлюсь замуж потому, что хочу иметь *свою* жизнь. *Свою* семью. Ты по молодости этого пока не понимаешь. Я прихожу домой после долгого рабочего дня, а там одна только мама. Мне хочется возвращаться к *кому-то*. Хочется обсуждать, как прошел день, вместе ужинать и планировать совместную жизнь.

Никки открыла фотографии во вложении — два снимка Минди крупным планом: призывная улыбка, густые прямые волосы, рассыпавшиеся по плечам. И семейное

фото: мама, папа, Минди и Никки во время последнего совместного отпуска. Не лучший получился кадр; все щурились и казались крошечными на фоне обширного пейзажа. Папа умер в том же году от сердечного приступа, укравшего его жизнь ночью, точно вор. Никки пронзило острое чувство вины. Она закрыла окошко на экране и сказала:

— Не бери наши семейные снимки. Не хочу, чтобы моя фотография мелькала в брачных объявлениях.

— Так ты мне поможешь?

— Это против моих принципов.

Никки набрала в поисковике: «аргументы против брака по договоренности» и кликнула на первый результат.

— Но ты же поможешь?

— «Брак по договоренности — порочный обычай, лишаящий женщину права выбирать свою судьбу», — вслух прочитала Никки.

— Просто подправь текст анкеты, чтобы лучше звучало. Я сама в этом ничего не смыслю, — попросила Минди.

— Ты слышала, что я только что говорила?

— Несла какую-то радикалистскую чушь. Я перестала слушать после слова «порочный».

Никки снова заглянула в анкету и обнаружила грамматическую ошибку: «Ищу свою вторую паловинку. Кто он, мой суженый?» Девушка вздохнула. Очевидно, Минди уже определилась; вопрос один: хочет ли в этом участвовать Никки.

— Ладно, — сдалась она. — Но только потому, что с такой анкетой ты рискуешь нарваться на идиота. Зачем

ты пишешь, что любишь веселиться? Разве кто-то не любит?

— И можешь еще потом повесить ее на доске брачных объявлений?

— На какой еще доске?

— В большом храме в Саутолле². Я скину подробности эсэмэской.

— В Саутолле? Ты шутишь.

— Ты ведь совсем рядом живешь. А у меня в больнице всю неделю сдвоенные смены.

— Я думала, для таких вещей существуют брачные сайты, — заметила Никки.

— Я подумывала насчет «Сикхской свахи» и «Пенджабской романтики». Но там слишком много индийцев, мечтающих по-быстрому заполучить визу. Если какой-нибудь мужчина заинтересуется моим объявлением на доске в храме, я по крайней мере буду знать, что он из Лондона. Саутольская гурдвара³ самая большая в Европе. Тут у меня больше шансов, чем на доске объявлений в Энфилде⁴, — объяснила Минди.

— Ты ведь знаешь, я очень занята.

— Ой, ну пожалуйста, Никки. У тебя куда больше времени, чем у нас.

Никки проигнорировала осуждающий намек. Мама и сестра не воспринимали ее работу барменом в «О'Райлисе» всерьез. Бесплезно растолковывать им, что Никки пока

² Саутолл — западное предместье Лондона, район компактного проживания выходцев из Индии, особенно пенджабцев.

³ Гурдвара — сикхский храм. Сикхизм — одна из индийских религий, иногда считающаяся ответвлением индуизма.

⁴ Энфилд — большой район (боро) на севере Лондона.

ищет свое призвание — работу, где она сможет приносить настоящую пользу, развиваться, испытывать себя, добиваться признания и награды. Таких мест было удручающе мало, и рецессия лишь усугубила ситуацию. Никки не брали даже волонтером: ей отказали три женские некоммерческие организации, и везде виновато оправдывались, что завалены рекордным количеством заявлений. Куда еще податься двадцатидвухлетней девушке с незаконченным юридическим образованием? В нынешней (а возможно, и любой другой) экономической ситуации — никуда.

— Я оплачу тебе потраченное время, — предложила Минди.

— Денег я у тебя не возьму, — машинально возразила Никки.

— Погоди, мама хочет что-то передать, — на заднем плане послышались невнятные наставления. — Она говорит, не забудь запереть окна. Вчера в новостях говорили что-то про квартирные кражи.

— Скажи маме, что у меня нечего красть, — ответила Никки.

— Она скажет, что ты должна беречь свое целомудрие.

— Поздно. Его уже украли. На вечеринке Эндрю Форреста после выпускного бала в одиннадцатом классе.

Минди не ответила, однако из трубки явственно доносилось ее потрескивающее, как помехи на линии, неодобрение.

Собираясь после этого на работу, Никки размышляла над предложением сестры оплатить ее труды. Щедрый жест, но девушку тяготило вовсе не финансовое бремя.

Она жила в квартире над пабом и вносила за аренду всего ничего, зато ее могли в любую минуту вызвать на дополнительную смену. Однако работа бармена считалась временной: Никки давно пора было *что-то менять* в жизни. Каждый новый день недвусмысленно напоминал, что, пока она топчется на месте, ее сверстники идут вперед. Недавно Никки видела на железнодорожной платформе бывшую одноклассницу. Та деловито и целеустремленно шагала к выходу со станции с дипломатом в одной руке и стаканчиком кофе в другой. Светлое время суток, когда за окнами бурлила неумная лондонская суета, нагоняло на девушку тоску.

За год до выпускных экзаменов Никки отправилась с родителями в Индию, где они усердно посещали храмы и просили мудрецов-пундитов дать дочери необходимые наставления, как преуспеть в жизни. Один из мудрецов велел Никки умозрительно представить себе желаемую карьеру, а сам затянул молитвенные песнопения, дабы превратить ее грезы в реальность. Но все мысли тотчас улетучились у девушки из головы, и первозданная пустота стала видением, ниспосланным ей богами. Как обычно перед поездкой на родину, Никки получила строгий наказ, что следует и чего не следует делать в присутствии старшего брата отца, у которого они останавливались: не ругаться, не упоминать о друзьях мужского пола, не возражать и говорить по-пенджабски, выражая благодарность «за эти летние уроки, которые, мы надеемся, напитают твои культурные корни». За ужином, когда

дядя стал расспрашивать Никки про пундитов, она едва сдержалась, чтобы не ответить: «Убогие шарлатаны. С тем же успехом я могла бы попросить своих друзей Митча и Баззу погадать мне по руке». За дочь ответил папа:

— Никки, наверное, пойдет в юристы.

Так решилось ее будущее. Отец отмахнулся от сомнений девушки, напомнив, что она получит надежную и респектабельную профессию. Это придало ей уверенности лишь на время. В первый же учебный день в университете Никки явилась не на ту лекцию, и в течение года донимавшее ее беспокойство только нарастало. После того как на втором курсе она едва не завалила экзамен, преподаватель вызвал ее к себе и заметил: «Видимо, это не твое». Он имел в виду исключительно свой предмет, но Никки осознала, что это утверждение применимо и ко всему прочему: занудным лекциям, учебникам, экзаменам, групповым проектам, срокам сдачи. Она сказала себе: «Просто это не мое» и в тот же день ушла из университета.

Страшась сообщить родителям, что бросила учебу, каждое утро Никки по-прежнему уходила из дома со своей винтажной кожаной сумкой «Кэмден маркет» и принималась бродить по Лондону: его прокопченное небо и старинные башни представляли идеальную декорацию для ее терзаний. Разделавшись с университетом, девушка испытала некоторое облегчение, зато стала маяться от безделья. Однако после недели бесцельных блужданий нашла себе занятие: начала посещать протестные митинги вместе со своей лучшей подружкой